

Россинская Светлана Владимировна
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

ИВАН БУНИН: СУДЬБУ И РОДИНУ НЕ ВЫБИРАЮТ

Вечер-портрет в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК к 145 - летию со дня рождения русского писателя-классика, нобелевского лауреата по литературе

Иван Алексеевич Бунин (22.10.1870- 8.11.1953) - один из крупнейших писателей XX века, выдающийся мастер слова, человек большой и сложной судьбы. Сам писатель писал о себе так: *«Неутомима и безмерна моя жажда жизни, и я живу не только своим прошлым, не только своей собственной жизнью, но и тысячами чужих жизней».*

13 октября 2015 года в **Литературном клубе «Прикосновение»** библиотеки «Фолиант» прошел вечер-портрет, посвященный биографии человека, которому удалось увидеть, как рушится вековой российский уклад и превращается в прах и пепел великая империя. Это время стало для Бунина олицетворением новой, ужасной России.

Будучи в эмиграции, Бунин часто думал о том, как странно люди понимают счастье: знай он о том, что обратного пути не будет, запоминал бы каждое мгновение, проведенное в Москве... Только на чужбине он начал понимать, что страну и судьбу не выбирают.

На вечере в библиотеке читатели посмотрели короткий документальный фильм *«Иван Бунин о русской смуте»* и послушали в исполнении **Кати Куркиной**, ученицы 6 «В» класса с\ш 81 художественное чтение его рассказа из цикла *«Темные аллеи»*. Полистали книги, представленные на выставке *«Разочарованный странник»* и чуть больше прикоснутся к судьбе *«последнего русского классика»* и первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе. Одного из немногих, чье имя не было забыто вскоре после награждения, а творчество выдержало испытание временем.

Итак...

Яблоко от яблони...

Земли Буниных лежали около Ельца, их оскудение разворачивалось на глазах горожан. Еще в предыдущем поколении семья была богата, а сейчас отец проживал остатки приданого, полученного за их матерью, деньги утекали между пальцев, домашние привыкли обходиться без мяса. Большая часть состояния проиграна и профукана много лет назад, конец был близок - скоро их Озерки пойдут с торгов.

Зато отец и в старости считался первым молодцом среди окрестных помещиков: стреляя, попадал в подброшенный рубль, прекрасно пел, был отличным рассказчиком и лучшим охотником во всей округе. Времена его лихих загулов остались в прошлом: зимой, когда дом по самое крыльцо заносило снегом, а волчий вой раздавался чуть ли не за околицей, отец запивал - но большого вреда имению это не наносило. И все же оно хирело и разрушалось: теперь выживали только цепкие и жесткие хозяева, умеющие работать до седьмого пота. А в их семье Озерками занимались по старинке, спустя рукава - между охотой и поездкой в гости.

В семействе Буниных бывали жуткие ссоры. Однажды, вскоре после их разорения, разгневанный отец даже побежал домой за ружьем. Повздорившая с ним матушка шустро залезла на росшее около крыльца дерево и свалилась с него за долю секунды до того, как Алексей Николаевич выстрелил. Это ее и спасло - ведь муж не знал промахов. Но вскоре в семье опять воцарились мир и согласие, а о недавней сцене никто и не вспоминал - что бы ни творилось в доме, Бунины чувствовали себя единым целым. Копить злость у них не умели,

Окружающие считали, что бунинские яблочки недалеко упадут от яблони, и из всех трех сыновей старого Алексея Николаевича не выйдет ничего путного.

Старший сын, Юлий Бунин, отлично окончил курс в университете, но оказался замешанным в политическое дело и после ссылки долго маялся без места. Евгений мечтал стать художником, а в результате осел в деревне. Иван, и вовсе, мнил себя писателем, до Нобелевской премии было еще очень далеко.

Москва 17-го года, или Жизнь «в яме»

В Москву, на Поварскую, 26, в дом Баскакова, Иван Бунин и его жена Вера перебрались в самом конце 1917 года. Не приехали - бежали: осенью они жили у родственников в Орловской губернии - в Васильевском имении. Мужики стervenели с каждой неделей, и Бунин боялся, что их сожгут вместе с усадьбой. Буквально еще накануне бегства Бунин во время прогулок подумывал: не купить ли усадьбу соседа Логофета - ведь это их, бунинское, родовое гнездо, проданное во время оскудения. Но жить здесь становилось страшно.

Выехали в семь утра на старой телеге, еле отговорились от зорко присматривавшихся к ним злобных мужиков - ему пришлось выдать себя за мещанина. Перед Ельцом у телеги рассыпалось колесо, и им ничего не оставалось, как тащить вещи на себе.

В городе ходили слухи о погромах, о том, как жгли Анненское, и что у Ростовцевых свернули головы павлинам. В поезде, переполненном сбежавшими с фронта солдатами, ему рассказали, что князь Голицын с тремя охранниками - ингушами и попом едва отбил от явившихся грабить его имение толпы дезертиров.

Приехали в Москву, а там смятение, безумные слухи, крестный ход с чудотворной иконой... Утром началась орудийная пальба, вечером погасло электричество, на следующий день в пятый этаж ударила трехдюймовка. Жильцы заложили ворота бревнами и стали ждать - в доме поговаривали о том, что к Москве идут 4000 верных Керенскому казаков, что в город вошел ударный батальон, и все это безобразие скоро кончится.

Дом на Поварской улице считался одним из лучших в Москве. Он был выстроен в конце XIX века в неоготическом стиле, и отделка квартир имитировала внутренние покои средневековых замков: окна были стрельчатými, коридоры - сводчатыми, росписи - причудливыми. На последнем этаже, откуда открывался вид на всю Москву, потолки были высокими, словно в католическом храме, - отопление влетало в копеечку.

Но квартира родителей его жены располагалась внизу, на первом этаже, и Бунину казалось, что они поселились в яме. Жизнь разламывалась на глазах: соседи и родня надеялись на лучшее, он же отчетливо понимал, что прошлое не вернется никогда.

То, что творилось на улицах, приводило его в ярость.

Памятник Скобелеву, скинутый с пьедестала и лицом вниз брошенный на грузовик... Колющие лед монахи Страстного монастыря... Густо заплеванная шелухой мостовые - новая Москва постоянно лузгала семечки... Красные знамена, лозунги, демонстрации, бессмысленные лица под кепками и солдатскими папахами...

От новой жизни его тошнило, особенно мучительным было ощущение собственного бессилия - нельзя было ни противостоять происходящему, ни бежать - нечто подобное творилось по всей России

Стрельба за окнами звучала все ближе, по Поварской бегали люди в шинелях, с винтовками в руках. Кем они были и за кого воевали? Бунин отодвинул штору пошире, прижался лбом к стеклу, пытаясь разглядеть, что делалось за углом, - и тут в рукав пиджака вцепилась жена.

Вера оттащила его от окна, и через несколько секунд в оконную раму ударила пуля.

...Еще один артиллерийский удар, а потом сразу два. В лазарет, расположившийся в доме напротив, привезли раненых... Может статься, что следующий снаряд ударит не в пятый этаж, а к ним, в первый: грохот, вспышка, а что будет дальше, он, скорее всего, не почувствует.

И тут ему показалось, что все это он уже переживал - огненный шар в глазах, ощущение сдавленности горла и подступающей смерти.

Люби меня хоть минутами, а месяцами ненавидь...

У любви много общего с тяжелой, долгой болезнью. Первая любовь в этом отношении вне конкуренции.

...Пересиживая лихолетье вместе с женой Верой, Бунин знал, что на другом конце Москвы к орудийной пальбе прислушивается женщина, бросившая его двадцать лет назад. Рядом с ней тот, к кому она ушла, - человек, считавшийся его близким другом. Бунину и в голову не приходило, что Арсик Бибииков влюблен в Варвару, - а они, оказывается, уже все решили за его спиной.

Варвара Пащенко, дочка врача, работавшая корректором в газете, казалась ему умницей и красавицей, феей добра и света, чудом залетевшей в губернский город Орел. В их компании девушку звали Варваркой, она была определенно не глупа.

Лицо у Варварки было правильным, зато шея - короткой, да и уши слишком большие: все это тотчас подметила Вера, его нынешняя жена, через много лет столкнувшись с ней в Москве. А пенсне Варвара Пащенко носила и в молодости. На шамаханскую царицу коренастая и суровая барышня не походила.

Однако Иван видел в Варварке богиню и был готов сигануть с обрыва за один ее взгляд. Но поутру 4 ноября 1894 года в Полтаве ему бросилась в глаза записка: *«Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом...»*

Перед глазами вспыхнули огненные круги, сдавило дыхание. И показалось, что под ногами заходили половицы. Как жить? Ради чего? Не лучше ли разом все кончить: закрепить на притолоке петлю и оттолкнуть ногой стул? Он был вне себя - сказывалась бешеная бунинская кровь, любить вполсилы в его роду не умели.

Примчался в Орел, настроил в гостиничном номере страшное письмо: люби меня хоть минутами, а месяцами ненавидь. Позже узнал, что, получив его письмо, Варвара долго рыдала, но своего решения не переменила.

А если рассудить здраво, так ли уж она была не права? Через двадцать с лишним лет все кажется объяснимым: здравомыслящая барышня оставила недоучившегося гимназиста, молодого человека из разорившейся семьи, пользовавшейся не самой доброй славой. Его подруга устала от бедности - они были вместе четыре месяца, и ее любовь, как видно, оказалась некрепка. За это время чувство истлело, и, слава богу, что пустая история не затянулась...

Но тогда, в Полтаве, жизнь Ивану казалась конченой: Варвара наконец прислушалась к своей родне, она тоже считала его пустельгой и неудачником.

Доктор Пащенко, низенький и суетливый отец Варвары, любовника дочери, не сумевшего даже гимназию закончить, открыто недолго любил. Но ради дочери он помог Бунину во время воинского призыва, и тому пришлось искать службу - иначе Иван, не имеющий никаких льгот, три года тянул бы солдатскую ляжку. Такого мужа для своей дочери доктор не хотел и во время решительного объяснения в глаза назвал Буниных нищими, а его самого - бродягой. Пащенко трясло от одного имени Бунина, было отчего; Варвара ушла к нему, и они стали жить невенчанными.

Что это была за жизнь! Он перебивался случайными заработками, служил в полтавской управе. Именно тогда, в 1902 году, и начал писать. Его стихи и рассказы печатали: одни критики кривились, другие похваливали, Варвара же не придавала этому никакого значения. Она была девушкой идейной и невысоко ценила изящную словесность. Его литературные опыты казались ей пустой тратой времени.

То, чем он тогда жил, не вызывало у нее большого уважения. А Бунин примкнул к толстовцам, торговал на базаре их брошюрами и, не имея разрешения, был арестован, потом учился у толстовца Фраермана бондарному ремеслу.

Варвара Пащенко боялась пропасть вместе со своим безумным сожителем, а Арсик Бибииков любил ее вот уже который год и был готов ради нее на все. Арсиком можно было командовать, волевой Варваре это казалось важным. К тому же у его родителей было чудесное имение в 200 десятин.

Прочитав: «*Не поминай лихом*» и, скомкав ее записку в кулаке, Бунин оцепенел, а потом, несмотря на уговоры братьев, бросился ее искать. В Орле, в доме Пащенко, его не приняли, адреса Варвары не дали, он ее так и не увидел. Но возвращаться ему было некуда.

Ехать в Полтаву, где они жили вместе с Варварой, он не мог, а родового бунинского гнезда больше не было. Озерки продали за долги, родители перебрались к брату Евгению, купившему маленькое именье.

У Ивана не было решительно никаких дел, и брат Юлий посоветовал отправиться в Москву и познакомиться с теми, кому он посылал свои рассказы. Тот так и сделал, и в редакциях ему были рады.

Литературная карьера

После расставания с Варварой Бунин весьма преуспел в творчестве: его называли подающим надежды. В Елецкой гимназии, откуда ученика Ивана Бунина отчислили за дурное поведение и неуспеваемость, его уже считали знаменитостью: ну как же! Писатель! Автор опубликованных в столицах рассказов и стихов!

Большой славы пока не было, и презабавная ситуация, когда гимназический учитель литературы, которого он прежде боялся, как огня, дрожа и заикаясь от волнения, принес ему на отзыв свой прозаический опус, поджидала его впереди. Жизнь казалась прекрасной: Бунин уже ощутил себя писателем и ясно понимал, что у него есть перспективы.

Писал только от руки, печатных машинок не признавал: «...*само творчество, самый процесс сочинения, по-моему, заключается в некоем взаимодействии, в той таинственной связи, которая возникает между головой, рукой, пером и бумагой*».

Александр Бахрах, современник Бунина, вспоминал, что «*работал он не только над своими рассказами, которые по несколько раз переписывал. Одновременно он записывал в различные тетрадки с картонными обложками различных цветов, до которых был большой любитель, какие-то словечки, обрывки будущих диалогов для еще нерожденных произведений, составлял списки пришедших ему на память областных выражений... и даже списки ругательств. Собирал по категориям имена и отчества для своих будущих героев, уверяя, что для каждого писателя необычайно важно дать своему герою подходящее имя*».

В эти дни он сказал одной из своих московских знакомых, что непременно будет знаменитым. Она только улыбнулась: какой смешной! Хороша знаменитость: в старой барашковой шапке, подбитом рыбьим мехом пальто и войлочных ботиках, точь-в-точь приказчик из книжного магазина. А будущая знаменитость чувствовал, что ему теперь все по плечу - вот так, победителем, он и свел знакомство с одной очень интересной семьей.

В семействе Цакни

Вся эта история началась случайно. Дело было в Одессе, и он для начала влюбился в этот ни на что не похожий город. В его темноволосых и темноглазых женщин, в местную кухню, в полный пришедших со всех краев земли кораблей порт. Семейство Цакни вполне выражало здешний дух, а по части присущей всем одесситам любви к авантюрам могло бы дать большинству горожан сто очков вперед. О них вполне можно было бы написать приключенческий роман в духе Дюма-отца.

Николай Петрович Цакни в молодости был причастен к революции. С красавицей женой и дочкой он бежал за границу, обосновался в Париже, бедствовал так, что ему приходилось зарабатывать подметанием улиц. Вскоре жена умерла, и он остался с маленьким ребенком на руках. И вот тут его судьба совершила крутой поворот.

Николай Петрович женился во второй раз, его новая жена оказалась очень богатой женщиной. Он вернулся в Одессу и зажил барином, владельцем солидных банковских счетов, хозяином больших имений. Но в нем остались прежняя живость, равнодушие к светским условностям и деньгам.

С захавшим в Одессу Буниным они подружились сразу. А его только-только окончившая гимназию дочь от первого брака была чудо, как хороша. **Анна Цакни** могла бы служить моделью

Праксителю - совершенная фигура, античная, чуть тяжеловатая красота. К тому же она была чрезвычайно мила. Молодой литератор ухаживал за ней напропалую.

О, будут, будут жуткие мгновенья!
И свежесть влажных кос, и сладость юных уст
Я буду, буду пить! Живу надеждой страстной
Всю душу взять твою - и все отдать тебе!

Но жениться, тем не менее, не собирался.

Все решилось в один миг, во время разговора с ее отцом: беседа затянулась и была чрезвычайно приятной, и Бунин неожиданно для самого себя попросил руки его дочери. Николай Петрович несколько не удивился и не сказал, что его Аня чересчур хороша для бедного литератора. Он, как и положено человеку прогрессивных убеждений, сообщил молодому человеку, что ничего не имеет против, да, в сущности, и не его это дело - об этом надо разговаривать с дочкой.

А дочка, несмотря на то, что на нее заглядывалась вся Одесса, так и осталась ребенком и могла бы еще играть в куклы. Предложение красивого молодого человека, столичного литератора, было ей лестно, она согласилась.

Ее мачеха была даже рада. И поначалу он так и не понял, почему надменной Элеоноре Павловне оказался мил их странный брак.

Все пошло не так с самого начала: во время свадьбы он заболтался с Николаем Петровичем. Зять и тесть так увлеклись разговором, что незаметно для самих себя пошли домой вдвоем, пешком. Молодая осталась одна в свадебной карете, и ее это не обрадовало.

Со временем сказались разница темпераментов и абсолютная противоположность характеров. Он был бешено вспыльчив, но отходчив, а она долго лелеяла обиду, замыкаясь во враждебном молчании, и что с этим делать, муж не понимал. Не понимал, как себя вести с неразговаривающей и не отвечающей на его ласки женой.

И как знать, может быть, ему и удалось бы наладить отношения, ведь любовь все еще жила. Ему хотелось сохранить семью. Но неразрешимой проблемой оказалась теща - вскоре выяснилось, что отцветающая, но все еще полная плотских страстей и бешеной энергии Элеонора Цакни по уши влюблена в зятя. Этим и объяснялось ее скорое согласие на их брак: пылкой женщине хотелось, чтобы молодой человек оказался у нее под боком, счастье приемной дочери ей, в сущности, было безразлично. Вскоре она поняла, что рассчитывать на взаимность не приходится, и возненавидела нового родственника всеми силами души: теперь Элеонора Павловна говорила о нем только плохое.

Свою роль в их разрыве сыграла и ревность Бунина. Элеонора обожала театр, в их доме постоянно репетировали домашние спектакли, устраивали вечеринки, и он на всю жизнь запомнил, как Анна, его красавица- жена, танцует с рослым, затянутым в наглаженный мундир, нежно глядящим ей в глаза офицером.

Так, от скандала к скандалу, от примирения к новому разрыву, его брак тянулся два года. Затем они разошлись, не разводясь, и в семействе Цакни остался его сын Коля, необычайно одаренный мальчик, которого он видел всего несколько раз в жизни.

В этом доме старались вытравить память о Бунине и не поощряли их встречи, чаще всего ему удавалось встретить Колю на пляже, где он гулял с няней. А если отец приходил к сыну на Херсонскую улицу, то дом превращался в мертвое царство: закрывались все двери, никто не выходил к нему навстречу, и лишь через несколько минут в пустую гостиную выбежал сын.

...Коля умер в 1905 году, когда ему сравнялось пять лет, его фотографию Бунин всегда носил с собой.

Прощай, молодость!

А с Варварой они встретились много позже еще раз, и обстоятельства, при которых их свела судьба, были необычны.

В 1909 году Бибиковы перебрались в Москву: их дочка была талантливой пианисткой, и они определили ее в консерваторию. То, что было прежде, давно перегорело, старое знакомство возобновилось, но Бунина словно током ударяло, когда Варвара произносила их давние присказки. Почему так было, он не понимал и не хотел об этом думать.

Ты - чужая. Но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца,
Но лицо ты склонила-
Он не видел лица...

Однажды Варвара с мужем пришли к Буниным в гости. Они сидели за накрытым столом, когда из Петербурга пришла телеграмма - Бунина избрали почетным академиком от литературы. Услышав об этом, Варвара побледнела, но через несколько секунд справилась с собой и негромко, четко выговаривая слова, сказала: *«Поздравляю вас»*.

Судя по глазам Веры, эта сцена доставила ей живейшее удовольствие - она так и не смогла простить Варваре, что та когда-то пренебрегла ее теперешним мужем.

...14 мая 1918 года, через несколько месяцев после того, как большевики взяли власть, на Поварскую примчался Арсик: *«Варвара умерла!»*

Горло у Бунина больше не перехватывало, половицы под ногами не тряслись - печально, конечно, но для него она умерла раньше. И все-таки чуть позже что-то тупое сильно толкнуло в грудь: ведь это его молодость умерла... Вместе с Варварой исчезли их любимые присказки, никто больше не вспомнит, как они жили в Полтаве...

Да полно, любил ли он кого-нибудь, кроме этой не очень красивой, чересчур жесткой, внезапно и оскорбительно бросившей его девушки? Женщин вокруг было много, но вот такой испепеляющей, доводящей до безумия страсти больше не случилось. Все, что он знает о любви, пришло из его нищей и неустроенной молодости...

Арсик рыдал, Иван похлопывал его по спине и думал о том, что Господь подчас шутит чересчур жестоко.

Что же осталось?

Жизнь на Поварской шла своим чередом: прошла осень, за ней - зима с весной, и вот уже в воздухе пахнет жарким и пыльным московским летом. Его тесть снял квартиру в одном из лучших московских домов: роскошные лестницы, в вестибюле отделанные под мрамор колонны и стены, красивые бронзовые светильники. Но их расположенное на первом этаже жилье по-прежнему казалось Бунину какой-то страшной ямой: он всю зиму хворал не желающей проходить простудой, слегка температурил.

В 1918 году на опостылевшей Поварской, 26, было неладно: огромный, оборудованный по последнему слову техники дом Баскакова ветшал и разваливался на глазах. То гасло электричество, то переставали греть батареи, прислуга дерзила и разбегалась, а парадное давным-давно заколотили досками - в Москве развелось много налетчиков, уследить за черным ходом было проще.

Как-то ему позвонили от Горького - тот хотел встретиться, но Бунин ему отказал: нельзя иметь дело с тем, кто поддерживает большевиков. А прежде они были дружны, и он много печатался в горьковском издательстве: там платили отличные гонорары. Сам Горький любил деньги - другие получали по 300-400 рублей за лист, ему же выписывали тысячу. Горький пил только французские вина, собирал драгоценные камни, античные медали и геммы: певец босяков умел ценить житейские удовольствия.

Его слава гремела, он создал свой стиль: в горьковские блузу и сапожки переделалась целая плеяда писателей - от Леонида Андреева до Степана Скитальца. С Буниным Горький был дружен и даже называл его лучшим из современных писателей. Да что там дружен - они считались лучшими друзьями...

Ну и черт с ним! Тому, кто приветствует нынешний кошмар, руки подавать нельзя. Люди меняются вслед за обстоятельствами, быть может, через несколько лет никто и не вспомнит, что на свете есть писатель Бунин, - этой России его книги не нужны. Что же после него останется? Ровным счетом ничего!

Бунин никогда не отличался сентиментальностью, считал себя атеистом, в общении ценил жесткую мужскую определенность, нежности презирал. Но сейчас, когда одновременно умирали Россия, Москва и дом, предоставивший ему кров, Ивану все чаще и чаще хотелось вынуть из бумажника фотографию сына Коли, положить ее на стол и взглядеться в улыбающееся лицо своего ребенка.

Что же осталось?

Или Бунин, или работа!

Вера Муромцева? Его жена, с которой они так и живут невенчанными? Прежде он не испытывал потребности в церковном браке, да и она, современная барышня, окончившая Высшие женские курсы, никогда с ним об этом не заговаривала. Но теперь, когда из-под ног уплывала земля, он начал об этом задумываться: храм, аналой, красные огоньки лампадок... Да, пожалуй, венчание сблизит их еще больше, им будет проще выжить в нынешнем хаосе.

То-то зашушукается литературная братия: Бунин прожил с женщиной одиннадцать лет, а венчался после того, как к власти пришли безбожники... Горький скажет, что в нем разыграла дворянская спесь. Мережковские поморщатся: фи, он никогда не имел чувства стилиа, а теперь, кажется, совсем выжил из ума. Но даже это - лишь благие пожелания, пустые слова: обвенчаться они не могут.

Родителей Веры их свободная, не узаконенная церковью жизнь вовсе не радовала. Да и сам выбор дочери оказался для них неожиданным и неприятным ударом: в семействе Муромцевых богему не жаловали. Старая дворянская семья, добропорядочная, благополучная, служивая, счастливо избежавшая оскудения и при этом на редкость дружная, не видела проку в занятиях словесностью, нравы литературной среды казались Муромцевым чересчур вольными.

Но они были безупречно воспитанными людьми, и Вера не слышала от них ни одного упрека. Да и его Муромцевы приняли как родного: поначалу из вежливости и любви к Вере, а затем семья душевно расположилась к знаменитому и нежеланному зятю, оказавшемуся вполне достойным человеком. Но им потребовались истинно христианские кротость и долготерпение - ведь со своей предыдущей женой он пока так и не развелся.

Отец Веры был членом Московской городской управы, дядя - председателем Первой Государственной думы, сама она собиралась стать ученым-химиком. Моложе его на десять лет, прехорошенькая, в совершенстве знающая четыре языка, прекрасная наездница, обладающая великолепным светским тактом, Вера была настоящим сокровищем, до него за ней ухаживали многие. Но она хотела окончить свои курсы и вести самостоятельную жизнь: переводить, преподавать...

Однажды, когда Вера была в гостях у своего доброго знакомого, писателя **Бориса Зайцева**, случай свел их вместе - и Бунин влюбился в сдержанную, изящную, холодноватую, словно сошедшую с картин Россетти, барышню. У них был долгий и очень московский роман - с концертами и театрами, ужинами в Большом Московском трактире, давно превратившемся в один из лучших ресторанов Первопрестольной, разговорами в гостиничном номере Бунина, на обитом плюшем уютном диване.

Муромцевы нервничали, профессор **Зелинский**, у которого Вера защищала диплом, в конце концов вышел из себя: «Нет, дипломной работы я вам не дам... Или Бунин, или работа!» А она, понимая, куда идет дело, как-то сказала брату: «Кажется, на этот раз мне не вывернуться».

Бунин ухаживал за ней с таким пылом и так настойчиво, что устоять было невозможно.

Восприми же в час урочный
Юной жизни торжество!
Будь любимой, непорочной:
Близок мертвый час полночный,
Близок сон и мрак его.

Сохрани убор венчальный,
Сохрани цветы твои:
В жизни краткой и печальной
Светит только безначальный
Непорочный свет любви!

Дело кончилось тем, что они отправились в путешествие: побывали в Константинополе, Египте, Палестине, долго бродили по Иерусалиму, а, вернувшись в Россию, больше не расставались. За эти годы они так сроднились, что, кажется, стали единым целым. Он не мог представить, что им когда-нибудь придется разлучиться, что он сможет ее обидеть.

Да это и невозможно: ему уже сорок восемь, жизнь практически кончена, остается доживать, а по нынешним обстоятельствам - выживать.

...Почти сорок лет спустя, ворочаясь на жесткой постели в холодной, никогда толком не протапливавшейся вилле в окрестностях Грасса, Бунин часто думал о том, как странно люди понимают счастье: знай он о том, что обратного пути не будет, запоминал бы каждое мгновение, проведенное в Москве...

Только на чужбине он начал понимать, что страну и судьбу не выбирают, и смирился с тем, что у того, кто сверху глядит на человеческие дела, чрезвычайно странное чувство юмора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Айхенвальд Ю.** Иван Бунин и его стихотворения// Бунин И. А. Свет незакатный: стихотворения 1888-1918 г.г.; Автобиографические заметки. - М.: Центр-100, 1995.-Стр. 5-25.
2. **Александров А. И.** Бунин: Разочарованный странник/ Алексей Александров// Караван историй. - 2008.- №1.- Стр. 212 –224
3. **Бабореко А. К.** Глагол времени/ Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи.- М.: Сов. писатель,1990. - Стр. 5-22.
4. **Бабореко А.К.** И. А Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917).- 2-е изд. - М.: Худ. лит, 1983.-351с.
5. **Бабореко А. К.** Проза позднего Бунина// Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Окаянные дни: Роман, рассказы. Дневники. - Самара: кн. изд-во, 1991.- Стр. 620-632..
6. **Бунин без глянца** /Сост. П. Фокин и Л. Сыроватко. - Спб.: Амфора, ТИД Амфора,2009.-382 с.
7. **Бунин И. А.** Рассказы: избранное. Анализ текста. Сочинения. 11 кл.: Справочное пособ. / Авт. Сост. Болдырева, А.В. Леденев.- М.: Дрофа, 1997. -144 с.- (Сер. «Школьная программа»)
8. **Ершов Л.** О творчестве И.А. Бунина //Бунин И А.Антоновские яблоки. Повести и рассказы. – Барнаул: Алт. кн. Изд-во, 1980.-Стр. 536- 543..
9. **Крутикова Л.** Верность призванию//Бунин И А. Повести и рассказы. - М.: Худ. лит., 1970.- Стр. 5-36.
10. **Михайлов О.** Бунин- поэт (1870-1953)// Бунин И А. Стихотворения и переводы.- М.: Современник, 1986. - Стр. 5-16. - (Сер. «Классическая библиотека «Современника»)
11. **Михайлов О.** Великий изгнанник.// Бунин И. А. Роза Иерихона. Избранные произведения.- М.: Панорама, 1994.- Стр.5-22.- (Сер. «Русская литература. 20 век»)
12. **Михайлов О.** Монолог о России// Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: роман. Рассказы.-М.: Сов. Россия, 1982. - Стр. 5-18.
13. **Михайлов О.** О Буине (1870-1953)// Бунин И. А. Избранные сочинения. - М. : Худ. лит, 1984. - Стр. 5-12.
14. **Морозов С. Н.** Жизнь и творчество И.А. Бунина// Бунин И А. Несрочная весна. Стихотворения. Избранная проза. - М.: Школа-пресс, 1994.- Стр. 5-22. - (Сер. «Круг чтения: школьная программа»)
15. **Морозов С.Н.** Художник слова// Бунин И А. Поэзия. Рассказы.- М.: Издательский Дом Синергия., 2000.-. Стр. 5-22, ил.
16. **Паустовский К.** Иван Бунин// Бунин И. А. Чистый понедельник: повести и рассказы. -М.: Дет. лит, 2003. - Стр. 5-16., ил. - (Сер. «Школьная библиотека»)
17. **Соколов А.** Несколько слов о Буине// Бунин И А. Стихотворения.- М. : Худ. лит.. 1985.- Стр. 242-244. - (Сер. «Классики и современники. Поэтическая библиотека»)